

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 20, Is. 4, pp. 338-348, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.20.338
www.ejournal15.com

UDC 82.161.1(091)“18/19”

The Literary Heritage of A.P. Chekhov in the Cultural Life of the West and the East

Marina Ch. Larionova

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
Dr (Philology)
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Irina V. Bobyakova

Institute for Social and Economic Research and Humanities
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don 344006
E-mail: lacena37@yandex.ru

Abstract

The article discusses the opportunities of the modern literary criticism in connection with the “Western” and “Eastern” vectors of studies. The authors consider the perception of Anton Chekhov’s works abroad and show the so-called adaptation of the personality and work of this Russian writer to another cultural consciousness through the specific selection of the facts of his biography and the interpretation of his works. The article concludes that the foreign perception of Anton Chekhov’s works depends on the type of artistic and socio-political thought in the West and East.

Keywords: Chekhov, Comparative Literature, East, Hermeneutics, Russian Literature, receptive aesthetics, West.

Введение

Занимаясь творческим взаимодействием культур и народов, литературоведение не может оставаться в стороне от их исторического и общественного взаимодействия. Современная геополитическая ситуация оказывает влияние на филологическую науку и заставляет вновь обращаться к устоявшимся методам. Сравнительное литературоведение – одно из старейших направлений в российской филологии, которое уже в момент своего формирования, во второй половине XIX в., осознавало невозможность постижения одной культуры, пусть даже собственной, без сопоставления с другими, близкими или далекими.

В области сравнительного литературоведения к концу XX в. в связи с проблемами глобализации возник некоторый перекокс: «Особенное принесено в жертву общему.

Такова – на ее пределе – тенденция современной политкорректности, прямолинейной культурной уравниловки, для которой равенство едва ли не предполагает стирание любой индивидуальности. <...> Всякое “свое” подозревается в том, что оно может проявить себя как “чужое”, то есть враждебное» [1]. Поэтому в наши дни в сравнительном методе оказывается востребованным тот аспект, который связан не с заимствованиями, не с многочисленными фактами параллелей, а с изучением восприятия личности и творчества писателя в иноэтничной и иноязычной среде.

Материалы и методы

Материалами исследования служат произведения А.П. Чехова, критические и научные работы российских и зарубежных исследователей. Поскольку мы говорим о влиянии личности и творчества Чехова на культурную жизнь Запада и Востока, их восприятии и оценке, а также о формах адаптации и интерпретации, мы обращаемся к синтезу элементов сравнительного метода, герменевтического подхода и рецептивной эстетики.

Обсуждение и результаты

В.Э. Вацуро в статье, завершающей и комментирующей книгу М.П. Алексева «Пушкин и мировая литература», писал: «Процесс освоения русской культурной традиции иными культурными традициями – процесс, ближайшим и непосредственным образом входивший в компетенцию... сравнительного литературоведения». И далее он сформулировал одну из задач сравнительного метода: «...анализ освоения и усвоения инациональных культурных ценностей, неизбежно сопряженных с переосмыслением, изменением культурного контекста» [2]. Так ученый обозначил исследовательское пространство, где пересекаются интересы сравнительного метода, герменевтики и рецептивной эстетики. Об этом пересечении говорил и В.М. Жирмунский: творческая интерпретация чужого литературного наследия тесно связана с его теоретической интерпретацией, которая проявляется, в том числе, и в высказываниях критики [3]. Элементы сравнительного метода позволяют понять динамику литературного движения и формирования художественных ценностей в России и за рубежом.

Одна из основных посылок сравнительного метода – мысль о единстве и закономерности мировых литературных и общественных процессов. При всем отличии социально-исторических условий многих стран XX–XXI вв. от России рубежа XIX–XX вв. интерес к русской литературе и ее востребованность на Западе и Востоке свидетельствуют об их равноценности со стадийной точки зрения. А выявление стадийно-типологических аналогий – важная задача сравнительного метода, наряду с анализом международных взаимодействий литератур. Эти взаимодействия, по мнению Н.И. Конрада, могут изучаться следующим образом: выявление связей между разными литературами, выяснение их причин и характера, раскрытие последствий этих связей для отдельных литератур и мирового литературного процесса [4]. При этом в центре внимания оказывается, по убеждению Н.И. Конрада, «своя», в нашем случае – русская литература.

Всякое взаимодействие литератур закономерно и обусловлено. Для того чтобы оно стало возможным, необходимо, чтобы аналогичные «тенденции (идеи и настроения, темы и образы) уже наличествовали в данной стране», – писал В.М. Жирмунский [5]. Эту форму литературного взаимодействия П.А. Гринцер охарактеризовал так: «“Чужая” форма наполняется актуальным для воспринимающей литературы содержанием, а “чужое” содержание подается в более или менее привычной форме» [6]. «Адаптация» личности и творчества русского писателя к другому культурному сознанию проявилась в специфическом отборе фактов его биографии, истолковании его произведений, создании переложений и обработок с перенесением конфликтов, событий и героев на местную почву. И здесь мы вступаем в область рецепции (восприятия и осмысления) и герменевтики (понимания).

Рецептивная эстетика – одно из приоритетных направлений современного литературоведения – сформировалась в 60-е гг. XX в. на базе тезисов Х.-Р. Яусса [7]. Литературная рецепция, понимаемая как процесс «эстетического восприятия объективного историко-литературного факта», предполагает в качестве конечного результата либо индивидуальную интерпретацию произведения (корректность которой во многом зависит от

уровня литературоведческой компетентности реципиента), либо «творческое перевоплощение того или иного литературного прообраза, праидеи, исходного мотива в нечто качественно новое» [8]. Изучение литературы в рецептивном аспекте становится необходимостью вследствие выраженного влияния классической литературы – как непосредственного, так и опосредованного – на сознание современного носителя культуры.

Сразу оговоримся: теоретики рецептивной эстетики понимали под реципиентом человека той же культуры, того же «уровня», что и воспринимаемый текст. В нашем случае речь идет о разных ментальностях, о разных уровнях восприятия литературы. Литературы Востока, например, в начале XX в. только обретали свое современное лицо, их больше интересовали социальные, а не собственно художественные процессы. Поэтому из положений рецептивной эстетики нас в первую очередь привлекает мысль об историко-рецептивном анализе произведения, который проясняет его социально-историческую специфику бытования в инонациональной среде. Мы понимаем рецепцию, вслед за Юссом, скорее как интерпретацию литературного произведения в соответствии с эстетическим опытом и «горизонтом ожидания» читателя, как историю вхождения русской литературы в чужую культуру, как процесс исторического восприятия смысла данного произведения чужой культурой.

Смысл произведения исторически изменчив и зависит от принадлежности воспринимающего к той или иной рецептивной группе; опыт читателя имеет историческую, групповую и индивидуальную составляющие; ими определяется онтологический статус произведения – социальное положение, рейтинг, бытие в обществе [9]. Основным критерий оценки произведения – общественная практика, формой которой является читательская реакция. Из этого следует наше обращение к учению о понимании смысла литературного произведения как высказывания – к герменевтике. Герменевтика как самостоятельная научная дисциплина была разработана в трудах Г. Гадамера (Германия) и П. Рикёра (Франция), а в русской науке – М.М. Бахтина.

Главное понятие герменевтики – понимание. По Гадамеру, понимание речи – это не сумма пониманий отдельных слов, а усвоение смысла всего высказывания. Применительно же к произведению искусства мало понять его смысл, надо быть затронутым этим смыслом [10]. Понимание одновременно интуитивно и рационально. Рациональное понимание и есть истолкование, интерпретация текста. Герменевтика видит в интерпретации перекодировку произведения, перевод его на другой язык. В нашем случае это не метафора. Понимание творчества русских писателей в арабских странах – это перевод на арабский язык и адаптация к другой знаковой системе культуры, когда толкуемые произведения и литературные факты преобразуются в воспринимающем сознании и становятся отличными от оригинала, одновременно теряя и приобретая смыслы. Так чужая культура «овладевает» русскими писателями, «присваивает» их себе.

В этом случае мы имеем дело с «досотворением». В полном соответствии с мыслью П. Рикёра («понимание самого себя через понимание иного» [11]) через «досотворение», множественность смыслов, их редукцию и добавление происходит углубление русского понимания писателя и национального своеобразия русской литературы как метавысказывания. Русская и мировые литературы вступают в диалогические отношения, формой которых, согласно М.М. Бахтину, является не только спор, но и согласие. В таком диалоге читатель (критик, писатель) делает «чужое» «своим», получает возможность духовно обогатиться опытом другой культуры и выразить себя [12].

Одним из самых востребованных в мире русских писателей сегодня стал А.П. Чехов. Его пьесы ставят на мировых сценах чаще, чем Шекспира. Общим местом в филологической науке стало утверждение, что Чехов «запечатлел в русском – общечеловеческое, в разнообразии российских характеров и типов – все многообразие человеческой природы, во временном – вечное» [13]. Однако не до конца проясненным остается то, как понимается это общечеловеческое и вневременное в разных концах земли, что именно чеховское «присваивают» себе разные народы.

Особая тема – значение Чехова для Англии, поскольку именно в английских переводах Чехова узнавал весь мир. В самом начале 1900-х гг. вышли первые сборники рассказов Чехова в переводе Р.Э.К. Лонга. А в 1911 г. на лондонской сцене впервые был поставлен «Вишневый сад». Эта постановка, к сожалению, не увенчалась успехом. Популяризации

чеховских пьес больше содействовали их печатные издания. Пьесы Чехова были переведены М. Фелл, которая написала и предисловие для книги. Драматургия Чехова представлялась переводчику как ряд сцен, достоверно передающих русскую действительность «хмурых» 80–90-х годов XIX в. Она считала, что Чехов изобразил трагедию существования «образованных классов, поработанных бездельем и скукой» [14]. В переводе много ошибок, неточностей, что не позволяло английскому читателю оценить чеховские произведения по достоинству.

Более квалифицированный перевод Чехова принадлежит С.С. Котелянскому, который перевел в соавторстве с Дж.М. Марри рассказы. Чехов интересовал Котелянского и Марри как автор психологической новеллы, поэтому они выбрали именно те произведения, где важны «движения души», а Чехов предстает как тонкий психолог.

В 1916 г. вышли первые две книги из тринадцати собрания «Рассказы Чехова» в переводах К. Гарнет, которая заслуженно считалась лучшей переводчицей русской прозы. С этого издания началось английское восхищение Чеховым, не ослабевающее и по сегодняшний день. Во вступительной статье к первому тому «Рассказов Чехова» Гарнет пишет о том, что Чехову присущ объективизм в изображении человека и жизни, достигаемый «полнотой» внешних обстоятельств и чувств, переданных писателем.

В 1919 г. Фёдор Комиссаржевский поставил в Лондоне «Дядю Ваню» в переводе Гарнет, и эта постановка стала чрезвычайно успешной. В 1925 г. «Вишневый сад» в постановке Джеймса Фейгена прорвался на коммерческую английскую сцену, способствуя популярности Чехова в Британии. Эта пьеса считалась лучшей в Англии. С 1926 г. были поставлены все чеховские пьесы на разных театральных сценах по всей стране.

В 1938 г. М. Сен-Дени поставил на английской сцене «Три сестры». Постановка собрала одну из самых талантливых трупп в истории британского театра. Спектакль был до мелочей реалистичен, что позволило зрителю впервые в Англии ощутить «дыхание внесценической жизни» [15]. Эта постановка считается непревзойденной по сей день.

С тех пор рассказы Чехова неоднократно издавались в переводах К. Гарнет. В 1950–1960-х гг. было издано несколько монографий, посвященных творчеству и жизни писателя. В 1964 г. вышел из печати первый том академического, «оксфордского», издания пьес и поздней прозы Чехова в переводе Р. Хингли. К 1980 г. вышло 9 томов. «Оксфордский Чехов» вызвал огромный интерес в английской критике, которая в целом высоко оценила это собрание. Чехов до настоящего времени чрезвычайно популярен в английском театре. Англичане считают Чехова своим так же, как русские – Шекспира.

Во Франции Чехов становится классиком несколько позже, чем в Англии. Перед Первой мировой войной уже был осуществлен перевод отдельных произведений и опубликованы критические статьи, однако в целом писатель остался неизвестным широкой публике. В 1929 г. Л. и Ж. Питовевы поставили в театре пьесу «Три сестры», открыв тем самым величие Чехова-драматурга, наиболее любимого и уважаемого из иностранных драматургов. Ж. Кессель, известный французский писатель, назвал «Три сестры» исторической в этом смысле пьесой.

После Второй мировой войны выходит первая во Франции биография Чехова И. Немировской, которая открывает французам жизнь писателя и знакомит с его духовной эволюцией. В 1952 и 1954 гг. дети Питовевых ставят «Дядю Ваню» и «Трех сестер». В 50-летнюю годовщину его смерти слава писателя достигла во Франции своего пика и знаменовала собой более высокую ступень в познании Чехова. Главное событие в истории чеховского театра в этой стране – «Вишневый сад» в постановке Ж.-Л. Барро в 1954 г. У Питовевых на первый план выходило «типично русское начало», а у Барро – «универсальная значимость» «Вишневого сада»: «Манера Чехова передавать то, что «наименее уловимо в человеческой жизни» – «существование в медленном течении времени» – вот что, по мнению Барро, делает «Вишневый сад» Чехова шедевром мирового значения» [16].

Чеховские пьесы оказали большее влияние на французскую литературу, чем его рассказы. Еще при жизни писателя во Франции было издано переводное собрание сочинений, которое содержало 18 томов. В 1952–1971 гг. вышло в свет другое собрание сочинений под редакцией Ж. Перюса, включавшее уже 21 том и биографию писателя, написанную Э. Триоле. Переводы произведений Чехова, вошедшие в это собрание, имеют основополагающее значение для знакомства французов с его творчеством. Они были

перепечатаны наиболее престижной французской серией «Библиотека плеяды» издательства Галлимар, которое в 1967–1971 гг. выпустило три тома произведений А.П. Чехова. В предисловии к изданию Клод Фриу пишет: «Чехов несомненно является тем русским писателем, который наиболее глубоко оценен и быстрее был воспринят за рубежом», тогда как Толстой и Достоевский – «священные монстры, порождение патриархальной России» – на европейский вкус могут показаться странными [17]. Автор также утверждает, что во Франции особенно ценится чеховская драматургия, тогда как в англосаксонских странах – проза. Чехов, по мнению К. Фриу, – тонкий и зрелый аналитик, а достоверность и точность – характерные признаки чеховского мира. Писатель «всегда держался в стороне от какой бы то ни было идеологической программы» [18]. В отличие от Достоевского и Гоголя, Чехов не испытывает к своим героям чувства сострадания, они представлены в его произведениях жертвами провинциальной жизни, среды и эпохи, но при этом Чехов не снимает вины и с них самих.

Чехов прочно утвердился в театре Франции: «Его ставят повсюду – в Париже и в провинции, в театрах, получающих государственные субсидии, и на подмостках молодых передвижных групп, под руководством опытных режиссеров – традиционалистов и новаторов – и по инициативе двух-трех никому не известных актеров в каком-нибудь кафе-театре» [19]. И по сей день во Франции продолжают переводить А.П. Чехова, посвящают ему биографические, критические статьи и книги. Чехов для французов – поразительно актуальный писатель, чуткий психолог, его легкий юмор и пронизательность раскрывают неприкрытую правду про каждого человека.

На Востоке творчество Чехова воспринимают иначе. Это сформулировал японский исследователь Янаги Томико: «Чехов близок японской литературе умением поразить глубиной смысла, скрывающегося в молчании» [20]. Первые упоминания имени Чехова в японской периодике в начале XX в. связаны с англоязычной критикой, призывающей читать выдающегося русского писателя. Одна из первых статей о писателе – К. Какуты – так и называлась – «Изучение русской литературы и Антон Чехов» (1904). Автор связал мировосприятие Чехова с восточной пассивностью и созерцательностью, и эта мысль до сих пор актуальна для японских критиков.

В 1903 г. появляются первые переводы чеховских рассказов непосредственно с русского языка, их выполняли писатели К. Сэнума и К. Одзаки. В 1908 г. в переводе К. Сэнума вышел сборник рассказов и повестей Чехова. В 1910 г. на японской сцене впервые ставят пьесу «Предложение». Делает это К. Осанаи, который встречался с К. Станиславским и В. Мейерхольдом, видел московские постановки чеховских пьес. В 1915 г. он поставил «Вишневый сад», что закончилось, к сожалению, провалом. В целом МХАТ оказал огромное влияние на японские постановки пьес писателя. В 1925 г. Осанаи вновь ставит «Вишневый сад», и этот спектакль имел большой успех. Спектакль Осанаи стал основным образцом постановки чеховских пьес в Японии.

К. Хироцу, японский исследователь, опубликовал несколько критических статей о творчестве Чехова. По мнению Хироцу, Чехов тонко изображает человеческую душу, не переставая любить людей. Чехов учит честности и скромности, его произведения «подобны испытующему взгляду, направленному в глубину человеческой души, и заставляют задуматься над собой» [21]. В 1921 г. в статье критика Н. Муто «О трагикомедиях Чехова» содержалась мысль о «теплоте» писателя. Его драмы, по мнению Муто, изображают душевные порывы, страдания, мировоззрение персонажей более отчетливо, чем рассказы и повести.

В 1919–1928 гг. было издано 10-томное собрание сочинений Чехова в переводах с русского и английского языков, которые способствовали активному знакомству японского читателя с творчеством русского классика. С 1933 г. в течение 10 лет в Японии издавалось 18-томное собрание сочинений писателя, переведенное полностью с русского языка. Перевод выполнил Х. Накамура. Так, даже во время войны интерес к Чехову сохранялся, а после нее пробудился с новой силой.

В 1945 г. С. Аояма поставил спектакль «Вишневый сад», и это стало важным событием в истории театра в Японии. Рецензия режиссера Е. Хидзиката сообщала: «Сейчас во многих богатых домах Японии в связи с введением закона о земле разыгрывается много трагикомических сцен. Люди работают, говорят о земельной собственности, об оскудении

помещиков и росте влияния капиталистов. Вот что прежде всего я почувствовал, смотря премьеру “Вишневого сада” в переполненном театре Юракудза» [22]. Закон о земле предполагал передачу земель отсутствующих помещиков по низкой цене бедным крестьянам: «Тогда повсюду в японской действительности разыгрывались сцены “Вишневого сада”» [23]. Так события русской пьесы стали актуальны для японской действительности. На японской сцене шли также «Три сестры», «Чайка», «Дядя Ваня», но «Вишневый сад» – одна из самых популярных в Японии пьес. Естественность, присущая чеховским произведениям, недосказанность, изображение человеческой души более всего находят свой отклик в сердцах японских читателей и зрителей.

И в Китае Чехов стал одним из самых популярных русских писателей. Внимание первых переводчиков было обращено к прозе писателя. Долгое время китайские переводчики обращались к языкам-посредникам и не переводили Чехова непосредственно с русского языка, что характерно для многих восточных стран.

В 1909 г. Лу Синь и Чжоу Цзожэнь издали «Сборник зарубежных рассказов» в двух томах, где были чеховские рассказы «В усадьбе» и «В ссылке». Краткая справка о Чехове гласила, что писатель, хотя и смотрит на современность пессимистически, все же живет надеждой на будущее: «Для него была характерна определенность жизненной позиции, и его взгляды отличались от мировосприятия натуральной школы» [24]. В целом творчеству Чехова была дана высокая оценка.

В 1920 г. на страницах китайской периодики появляется множество переведенных с английского рассказов Чехова. В эти же годы выходят сборники чеховских рассказов уже в переводе с русского языка. В 1930 г. шанхайским издательством было выпущено 8-томное «Собрание лучших рассказов Чехова», выполненное Чжао Цзиншэнем. Перевод осуществлялся с английского перевода К. Гарнет. Это собрание играло значительную роль в распространении произведений Чехова в Китае – теперь широкая читательская аудитория могла ознакомиться с творчеством русского писателя.

Интересно, что творчество Чехова оказалось злободневным и для Китая 1930-х гг. Так, цензура запретила публиковать рассказ «Лев и Солнце», который посвящен сцене из жизни чиновников царской России.

Издание чеховских пьес на китайском языке начинается с 20-х гг. XX в. В 1921 г. вышло шанхайское «Собрание русских пьес». В 1923 г. в Пекинском университете студенты впервые сыграли чеховского «Медведя», и эта пьеса обрела популярность и сценическую жизнь во всем Китае. Пьеса «Предложение» также пользовалась успехом в разных районах страны. В 1930 г. была поставлена пьеса «Дядя Ваня», а в 1936 г. – «Три сестры». Это первые попытки воплощения драматургии Чехова на китайской сцене. Чеховские пьесы стали откровением для Китая. Драматург Цао Юй, испытавший сильнейшее влияние чеховской драматургии, писал о «Трех сестрах», что в произведении действуют люди с живой душой. Чеховское творчество помогало китайцам в нравственном и социальном становлении. Популярность творчества русского писателя китайские критики объясняют лиризмом и содержанием, свободным от тяжелых и застывших красок. Проза Чехова поэтична, для нее характерны психологизм и глубокий подтекст. В 1950-х гг. в оценке творчества Чехова китайскими исследователями акцент делался на социальной ориентированности его произведений, на гуманистическом их содержании, на связи с исторической обстановкой.

50 лет со дня смерти писателя вызвали бурю внимания китайской общественности к его творчеству: демонстрировались советские экранизации произведений Чехова, публиковались статьи, посвященные его личности, жизни и произведениям, организовывались выставки по всей стране. Такого же, если не большего, внимания было удостоено и столетие со дня рождения писателя. О признании русского классика в Китае говорит и тот факт, что его произведения были включены в школьные учебники. В 80-е гг. прошлого столетия в Шанхае были изданы 12 томов «Собрания сочинений А.П. Чехова». Наконец китайский читатель мог познакомиться с творчеством писателя в жанровой и хронологической последовательности.

В арабских странах знакомство с русской литературой произошло во многом благодаря деятельности Императорского православного палестинского общества (ИППО), которое было учреждено в 1882 г. и которому принадлежит основная заслуга популяризации русской литературы среди арабских народов. В школах, открытых благодаря деятельности ИППО,

преподавали русские педагоги и арабы, получившие образование в России. В Палестине, Сирии, Египте сложились целые группы переводчиков с русского языка. Так, в Каире уже в 30-е гг. XIX в. была создана школа переводчиков, возглавляемая известным просветителем Рифаа Рафи ат-Тахтави (1801–1873).

Интерес арабов к русской культуре не был случайным. Арабская интеллигенция воспринимала из мировой культуры то, что позволяло ей глубже осмысливать свои проблемы. Русская литература представила новые типы героев, отразила новые отношения в обществе. В арабской литературе появилась проза европейского типа, чему способствовали развитие переводческой деятельности и оценка переводных произведений.

Широкую известность в арабском мире приобрело творчество Чехова. Краткая форма ранних рассказов, занимательная фабула, сюжеты о современной писателю России были удобны для перевода и восприятия широкими слоями населения. Кроме того, в арабских странах был распространен журнал «Нива», в котором печатались рассказы Чехова. Среди известных переводчиков и издателей Чехова – сириец И. Джабир, палестинцы Х. Бейдас, А. Баллан.

Арабский перевод того времени – это, скорее, национальная адаптация, перевод-переложение, перевод-пересказ. Переводчики не ставили перед собой задачу точно передать текст оригинала, они стремились к тому, чтобы максимально приблизить к арабскому читателю иноязычное произведение. Работая над текстом, арабские переводчики вносили в него изменения. Так, например, в текст проникали арабские выражения и речевые обороты. В основном переводчики воспринимали Чехова как занимательного рассказчика, пьесы и повести все еще оставались без внимания.

В 1920-е гг. новеллистическое творчество Чехова пользовалось популярностью прежде всего в Египте. На это время пришлось становление национальной египетской литературы в лице писателей «новой школы», на которых творчество Чехова оказало большое влияние. Так, ирония, выбор сюжетов, принципы чеховской типизации, обличение пороков нашли свое отражение и в творчестве арабских писателей. Следует отметить, что особый интерес вызывал короткий рассказ, который получил большое распространение в арабских странах.

Драматургия Чехова становится известной в арабских странах после 40-х гг. XX в. В 1944 г. известный театральный деятель З. Тулеймат переводит пьесу «Медведь». Тулеймат впервые на Востоке сказал о мировом значении творчества Чехова, акцентируя внимание на тонком психологизме писателя. В 1950-е гг. критика проявляет интерес к творчеству писателя, увеличивается количество переводов его произведений, они становятся более профессиональными. В 1954–1955 гг. выходит собрание сочинений Чехова в двух томах в серии «Шедевры мировой литературы». Переводчики отмечают новаторство, привнесенное Чеховым в литературу, особенности его мироощущения, тонкий психологизм, сочувствие к судьбам своих персонажей.

Арабское восприятие Чехова может быть непонятно европейцам, которые находятся во власти «европоцентризма» – «механического перенесения категорий, открытых в истории и культуре стран Запада, на явления, наблюдаемые в истории и культуре стран Востока» [25]. Зато оно хорошо понятно в России, где Чехова длительное время воспринимали подобным образом. Изучая арабское восприятие личности и творчества Чехова, встраивая это восприятие в русское культурное сознание, мы лучше понимаем не только арабскую культуру, но и русскую.

Не вдаваясь в детали арабского критического освоения личности и творчества Чехова, отметим лишь его основные положения. По общему мнению арабских критиков, Чехов – самый популярный русский писатель в арабских странах. Критики объясняют привлекательность произведений Чехова для арабов сходством тяжелых исторических и политических обстоятельств России XIX в. и ряда арабских стран XX в.: отсталость и социально-политическое угнетение, эпидемии и последствия распада крепостничества / колониализма.

Основные свойства чеховского творческого метода в арабских странах определяют так: реализм, демократизм, гуманизм, исторический оптимизм. Последний пункт – исторический оптимизм – может вызвать недоумение российского и европейского читателя. Даже в ранних юмористических произведениях Чехова принято видеть иронию и сарказм, но никак не оптимизм. Что же говорить о поздних произведениях и особенно пьесах, где

гибнут герои, вырубается вишневый сад и в результате провала коммуникации наступает тотальное одиночество? Однако не так понимает произведения Чехова арабский критик. Приводя финальный эпизод пьесы «Три сестры», когда оркестр играет вслед уходящим военным и Ирина, обнимая сестер, говорит: «О, милые сестры, жизнь наша еще не окончена. Будем жить! Музыка играет так весело, так радостно, и, кажется, еще немного, и мы узнаем, зачем мы живем, зачем страдаем... Если бы знать, если бы знать!», – он делает вывод: сильная сторона жизненной философии Чехова состоит в том, что он всегда оставляет своим героям надежду, пусть и неясную, несмотря на все тяготы и неспособность героев к продолжению жизни. Герои Чехова поддаются отчаянию, они не делают ничего, чтобы понять ценность жизни и постараться изменить ее, но автор дает им силы продолжать жить и веру в светлое будущее¹ [26]. Другой критик цитирует Петю Трофимова из пьесы «Вишневый сад»: «Обойти то мелкое и призрачное, что мешает быть свободным и счастливым, – вот цель и смысл нашей жизни. Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там вдали. Вперед! Не отставайте, друзья», – и говорит: «Разве можно назвать автора слов о высоких идеалах пессимистом? Мы уверены, что выразители таких высоких ценностей не могут быть пессимистами. Чехов был глубоко убежден в победе человека в этой борьбе с жизненными обстоятельствами. Мы можем смело утверждать, что Чехов был великим оптимистом» [27].

Биография русского писателя в арабских странах тоже воспринималась избирательно. На первый план в ней вышла тема тяжелого детства Чехова, грозного и жестокого отца, подвергающего детей телесным наказаниям. Скорее всего, эту информацию арабские критики почерпнули из советских работ о Чехове, написанных в духе вульгарного социологизма, который господствовал в литературоведении в 40–50-е гг. XX в. Однако она оказалась близкой и понятной патриархальному арабскому обществу. Акцентировалась и тема бедности Чеховых, также близкая иракским или сирийским читателям. Действительно, семья жила небогато и неудачливый купец П.Е. Чехов разорился; действительно, он поднимал руку на детей, но это очень одностороннее изображение чеховского детства. Чтобы в этом убедиться, достаточно познакомиться с письмами Чехова брату Александру, который, с одной стороны, часто вспоминал детские обиды на отца, а с другой тоже был склонен к жестокому обращению со своими детьми. Антон часто упрекал его и за то, и за другое.

Отклик у арабских критиков и читателей в произведениях Чехова нашла тема, которую в российском литературоведении называют «темой маленького человека». Под «маленьким» они понимали социально-обездоленного человека, тогда как смысл этого явления у Чехова иной. В русской литературе сложились две линии темы «маленького человека» – условно говоря, «пушкинская» и «гоголевская». «Гоголевская», которую потом продолжил и развил Ф.М. Достоевский, – это сострадание к униженному и оскорбленному герою. «Пушкинская», которую потом продолжил и развил Чехов, – это ирония над героем, которому не удалось выдать из себя раба, который живет в плену социальных условностей и стереотипов, как пушкинский станционный смотритель Самсон Вырин. Рассказ Чехова «Смерть чиновника» имеет пародийный смысл по отношению к «Шинели» Н.В. Гоголя. Герои у Чехова будто поменялись местами: жертвой оказался не мелкий чиновник, а генерал.

Можно приводить еще много примеров. Важно, что арабская культура берет у Чехова то, что более всего согласуется с условиями национальной среды. Все, что не согласуется, остается непонятым и невоспринятым. В то же время Чехов наделяется тем, чего у него, на взгляд российской науки, нет или второстепенно: революционность, наличие общих идей, сострадание к униженным и оскорбленным. Как писал А.Н. Веселовский, «идею создает сам народ, такую, какая возможна в данном состоянии его развития» [28]. Но даже второстепенные, эти общественные и художественные идеи присутствуют в чеховском творчестве, и влияние на другую культуру позволяет оценить их в полной мере.

Выводы

Итак, зарубежное восприятие творчества А.П. Чехова зависит от типа художественного и общественно-политического мышления на Западе и Востоке. Европейские читатели

¹ Переводы с арабского сделаны нашим иракским коллегой А.Я. Аббасхилми.

и критики ценят в произведениях Чехова книжность, высокую писательскую культуру, отсутствие идеологической программы, ироническое отношение к «маленькому человеку», пессимизм. Освоение творчества Чехова в большинстве европейских стран началось с поздних пьес.

На Востоке Чехова воспринимают как остросоциального писателя. В биографии Чехова подчеркиваются бедность, трудное детство, любовь к труду, богатый жизненный опыт. Главными достоинствами писателя в восприятии читателей и критиков стали правдивость, гуманизм, психологизм, изображение повседневной жизни, исторический оптимизм, художественное мастерство в области жанра рассказа, драматургические поиски, общечеловеческая проблематика чеховских произведений.

Примечания:

1. Шайтанов И.О. Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 35.
2. Вацуро В.Э. Проблема «Пушкин и мировая литература» в трудах М.П. Алексева // Алексеев М.П. Пушкин и мировая литература. Л.: Наука, 1987. С. 583.
3. Жирмунский В.М. Гете в русской литературе. Л.: Наука, 1982. С. 13.
4. Конрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966. С. 310.
5. Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. С. 21.
6. Гринцер П.А. Эпохи взаимодействия литератур Востока и Запада. М.: РГГУ, 1997. С. 48.
7. Яусс Х.-Р. История литературы как провокация литературоведения // Новое литературное обозрение. 1995. № 12. С. 34–84.
8. Карпушкина Л.А. Образ А.С. Пушкина в русской литературе конца XIX – начала XX века и проблема литературной рецепции: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 2–3.
9. Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Высшая школа, 2002. С. 22.
10. Гадамер Г. Эстетика и герменевтика // Гадамер Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 255–265.
11. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. С. 56.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
13. Старикова В.А. Творчество А.П. Чехова – «код» межнационального общения // Чеховские чтения в Ялте. Чеховская карта мира: Чехов – путешественник. Симферополь: ДИАЙПИ, 2013. С. 55.
14. Шершевская М.А. Переводы // Чехов и мировая литература. Литературное наследство. Т. 100. Кн. 1. М.: Наука, 1997. С. 373.
15. Майлс П. Чехов на английской сцене // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 514.
16. Пруайяр де Ж. Чехов во французской критике // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 28.
17. Лазарюс С. Переводы произведений Чехова во Франции // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 10.
18. Лазарюс С. Переводы произведений Чехова во Франции. С. 11.
19. Амьер-Шеврель Кл. Чехов на парижской сцене // Чехов и мировая литература... Т. 100. Кн. 1. С. 90.
20. Томико Я. Переводы, критика, отклики писателей // Чехов и мировая литература. Литературное наследство. Т. 100. кн. 3. М.: Наука, 2005. С. 79.
21. Томико Я. Переводы, критика, отклики писателей. С. 88.
22. Сэйро С. Пьесы Чехова в Японии // Чехов и мировая литература... Т. 100. кн. 3. С. 106.
23. Сэйро С. Пьесы Чехова в Японии. С. 106.
24. Серебрякова Е.А. Чехов в Китае // Чехов и мировая литература... Т. 100, кн. 3. С. 6.
25. Конрад Н.И. Запад и Восток. С. 27.
26. Хиндауи Х. Антон Чехов – русский писатель мирового значения // Эльрисаля (журнал). 1942. № 444. С. 15.
27. Хасбак Ш. Антон Чехов. Багдад: Эльтакафа Эльджадида, 1954. С. 19.
28. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 15.

References:

1. Shajtanov I.O. Triada sovremennoj komparativistiki: globalizacija – intertekst – dialog kul'tur // Voprosy literatury. 2005. № 6. S. 35.
2. Vacuro V.Je. Problema “Pushkin i mirovaja literature” v trudah M.P. Alekseeva // Alekseev M.P. Pushkin i mirovaja literatura. L.: Nauka, 1987. S. 583.
3. Zhirmunskij V.M. Gete v russkoj literature. L.: Nauka, 1982. S. 13.
4. Konrad N.I. Zapad i Vostok. M.: Nauka, 1966. S. 310.
5. Zhirmunskij V.M. Sravnitel'noe literaturovedenie. L.: Nauka, 1979. S. 21.
6. Grincer P.A. Jepohi vzaimodejstvija literatur Vostoka i Zapada. M.: RGGU, 1997. S. 48.
7. Jauss H.-R. Istorija literatury kak provokacija literaturovedenija // Novoe literaturnoe obozrenie. 1995. № 12. S. 34–84.
8. Karpushkina L.A. Obraz A.S. Pushkina v russkoj literature konca XIX – nachala HH veka i problema literaturnoj recepcii: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000. S. 2–3.
9. Borev Ju.B. Jestetika. M.: Vysshaja shkola, 2002. S. 22.
10. Gadamer G. Jestetika i germenevtika // Gadamer G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. S. 255–265.
11. Rikjor P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike. M.: Akademicheskij proekt, 2008. S. 56.
12. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979.
13. Starikova V.A. Tvorchestvo A.P. Chehova – “kod” mezhnacional'nogo obshhenija // Chehovskie chtenija v Jalte. Chehovskaja karta mira: Chehov – puteshestvennik. Simferopol': DIAJPI, 2013. S. 55.
14. Shershevskaja M.A. Perevody // Chehov i mirovaja literatura. Literaturnoe nasledstvo. T. 100. Kn. 1. M.: Nauka, 1997. S. 373.
15. Majls P. Chehov na anglijskoj scene // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 514.
16. Prujjar de Zh. Chehov vo francuzskoj kritike // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 28.
17. Lazarjus S. Perevody proizvedenij Chehova vo Francii // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 10.
18. Lazarjus S. Perevody proizvedenij Chehova vo Francii. S. 11.
19. Am'er-Shevrel' Kl. Chehov na parizhskoj scene // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. Kn. 1. S. 90.
20. Tomiko Ja. Perevody, kritika, otkliki pisatelej // Chehov i mirovaja literatura. Literaturnoe nasledstvo. T. 100. kn. 3. M.: Nauka, 2005. S. 79.
21. Tomiko Ja. Perevody, kritika, otkliki pisatelej. S. 88.
22. Szejro S. P'esy Chehova v Japonii // Chehov i mirovaja literatura... T. 100. kn. 3. S. 106.
23. Szejro S. P'esy Chehova v Japonii. S. 106.
24. Serebrjakova E.A. Chehov v Kitae // Chehov i mirovaja literatura... T. 100, kn. 3. S. 6.
25. Konrad N.I. Zapad i Vostok. S. 27.
26. Hindai H. Anton Chehov – russkij pisatel' mirovogo znachenija // Jel'risalja (zhurnal). 1942. № 444. S. 15.
27. Hasbak Sh. Anton Chehov. Bagdad: Jel'takafa Jel'dzhadida, 1954. S. 19.
28. Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika. M.: Vysshaja shkola, 1989. S. 15.

УДК 82.161.1(091)“18/19”

Литературное наследие А.П. Чехова в культурной жизни Запада и Востока

Марина Ченгаровна Ларионова

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор филологических наук

E-mail: larionova@ssc-ras.ru

Ирина Валерьевна Бобякова

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук
Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
E-mail: lasena37@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности современного литературоведения в связи с «западным» и «восточным» векторами исследований. На примере творчества А.П. Чехова показано, как происходит «адаптация» личности и творчества русского писателя к другому культурному сознанию в специфическом отборе фактов его биографии и истолковании его произведений. Сделан вывод о том, что зарубежное восприятие творчества А.П. Чехова зависит от типа художественного и общественно-политического мышления на Западе и Востоке.

Ключевые слова: Восток, герменевтика, Запад, рецептивная эстетика, русская литература, сравнительный метод, Чехов.